

КОРПО РОЖЕЯ

ДМИТРИЙ
РОМАНОВ

Дмитрий Романовф
Корпорожея
Серия «Любовь и магия», книга 1

<https://litres.ru/73904471>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настенька из глухой деревни приезжает в город, чтобы устроиться на работу в крупную компанию секретаршей, где быстро понимает, что здесь живут по законам каменных джунглей. Интриги, зависть, коварство и предательство. Она начинает вспоминать старинные рецепты, варит зелья и делает привороты. Как далеко она сможет зайти в поисках своего счастья и найдёт ли настоящую любовь?

Содержание

Глава 1. Москва, чемодан, вокзал	4
Глава 2. Собеседование с жабами	11
Глава 3. Болото в стаканчике	24
Глава 4. Приворотное зелье	37
Глава 5. Домовой против	51
Глава 6. Жабий детектор лжи	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Дмитрий Романовф

Корпорожея

Глава 1. Москва, чемодан, вокзал

Стук колёс отмеряет последние километры до Москвы. За грязным окном купе бесконечной лентой тянутся берёзовые перелески и серое небо в разводах. Настя сидит и смотрит на свой старый, дубовый сундук с медными накладками. Из него торчат банки с солёными огурцами, пучки сушёной полыни и берёзовый веник.

— Дядя Кузь, не шурши, — тихо говорит она. — Мы уже почти приехали.

Из сундука доносится ворчливое, хриловатое ворчание: — Шуршу, потому что не нравится мне это. Тут даже печки нет. Эти твои «электрички» вообще без души, Настенька. Как консервная банка. Ни тебе угла, ни запечника. Суета одна!

Настя улыбается краешком губ, но домовой Кузя всегда ворчит, ведь так он выражает свою любовь, что поделать. Она проводит ладонью по крышке сундука, шепчет заговорное слово от укачивания, и Кузя недовольно затихает. За окном мелькает последняя деревня, проехали трансформаторную будку и колодец с журавлём, накренившимся набок.

Москва — это большое болото. Бабка прямо так и говорила: «Найдёшь своё болото Настенька, там и пригодишься». Значит, я буду не просто секретаршей, а царевной лягушкой в бетонной чаше. Мой принц сидит где-то там, в высоком кресле весь такой строгий, в костюме с запонками. У него усталые глаза, потому что он ищет меня, но ещё не знает об этом.

Как только увидит меня, так сразу скажет: «Какая вы странная», — и это будет началом всего. Свадьба через полгода, дети, и мы будем с ним пить чай с чабрецом, а он будет теревить запонку и говорить: «Настенька, ты меня приворожила», — а я буду молчать, потому что ну приворожила, и что с того?

Поезд замедляет ход. В окне видны бетонные коробки панельных многоэтажек, провода и клубы пара из вентиляционных шахт. Чем ближе к вокзалу, тем сильнее Настя чувствует странное давление в груди как будто воздух становится с привкусом пластмассы. Кузя в сундуке возится, чихает и говорит уже совсем тревожно:

— Слышишь? Тут даже домовые не живут, пусто как в холодильнике.

— Ничего, — твёрдо отвечает Настя и завязывает платок туже. — Поехали, дядя Кузь. Работать надо!

Казанский вокзал, запах пирожков, ругань носильщиков и слепящий блеск люстр. Настя выходит из вагона с огромным пакетом в руках и чемоданом на скрипящих колёсиках. На

неё все оглядываются. Мужчина в кожаном пальто хмыкает. Девушка в пуховике коротко говорит подруге: «Смотри, динозавр», — а её подруга добавляет: «Коса-то, коса, хоть метлой мети».

Настя делает вид, что не слышит, но краем уха слышит и улыбается.

«Они думают, что меня можно обидеть! — думает она про себя. — А я вижу, что у той, в пуховике, за спиной синяя тоска прилипла. У мужика в пальто стойкая порча на зависть. Он сам на себя навёл, когда начальника обхаживал. Москва — это очень специфическое болото, но я разберусь».

Она ловит такси с усатым мужиком лет пятидесяти, который сидит на месте водителя. Он было открывает рот, чтобы сказать: «Куда ты с баулом, занимаешь весь багажник», но Настя смотрит ему в глаза три секунды и улыбается. Водитель вдруг смеётся и ласково говорит:

— Садитесь, девушка, довезу с ветерком, только вы это... Травами, что ли, пахнет? Приятно, как на сенокосе.

Кузя из чемодана довольно добавляет: «Хоть у одного обоняние есть».

Офис «Строй Инвест», куда она едет устраиваться секретаршей, оказывается стеклянным зданием в бизнес центре с огромным холлом. Люди в серых костюмах снуют туда-сюда, ни одного живого растения и лишь пластиковые фикусы в кадках. Даже нет окон, чтобы можно было открыть. Лишь

запах кофе и хлорки.

«Вот моё болото, — думает Настя дрожа от восторга и страха одновременно. — Только вместо кувшинок кулеры, а вместо цапель охранники с бейджами. Где же моя судьба? Он должен выйти из того лифта. Сейчас. Через три два один».

Лифт открывается и оттуда выходит полная женщина с папкой, оглядываясь по сторонам, как будто забыв, куда шла. Больше никто.

Настя выдыхает. Ложная тревога. Молодой парень с прыщавым лицом провожает её наверх, потому что у неё нет пропуска. В лифте она видит себя в зеркало, коса лежит на плече, щёки покраснелись с мороза, глаза как и должно быть зелёные «болотные».

Кузя шепчет из чемодана, который она поставила на пол кабины:

— Чувствую чужого хитрого домового, что сидит на десятом этаже и облизывается.

— На кого? — едва шевеля губами, спрашивает Настя. — Значит и тут жизнь есть, а ты говорит, что в городе жить невозможно.

— На тебя, дурында, чую конкурента, ты ему территорию портишь.

Лифт открывается. Серая приёмная, ковролин и стойка ресепшн с пустым креслом. За стойкой никого. На стене висит большой портрет мужчины лет тридцати пяти с холодными серыми глазами, квадратной челюстью и волосами, за-

чѣсанными назад. На руке серебряные запонки с инициалами «М.С». Он смотрит с фотографии так, будто оценивает, стоит ли с вами разговаривать.

«Это он, — думает Настя. — Я его узнаю даже по этой дурацкой фотографии, где он старается казаться строгим. Видно же, что у него морщинка над бровью. Значит, он часто хмурится, потому что думает о чём-то важном или о ком-то. Через три секунды он войдёт в эту дверь и скажет: "Здравствуйте", — и я отвечу: "Здравствуйте, Максим Сергеевич". Между этими двумя "здравствуйте" пронесётся вся жизнь. Свадьба. Дети. Счастье. Он будет называть меня "зайка", а я буду называть его "Макс". Мы будем жить долго и счастливо, а он всё так же будет теревить свою запонку».

Дверь кабинета напротив открывается и из неё выходит живой Максим Сергеевич в сером костюме и белой рубашке с усталыми глазами. На руке точно такие же запонки. Он проходит мимо Насти, не глядя на неё, останавливаясь лишь на секунду, словно зверь учуявший добычу. Смотрит на неё холодно сверху вниз, но с ноткой удивления. Заметить такое можно только если тренироваться всю свою жизнь. Настя тренировалась.

— Чем это пахнет? — спрашивает он смущѣнно. — Сенном?

— Это я, Максим Сергеевич, — говорит Настя, улыбаясь своей фирменной улыбкой. — Ваша новая секретарша.

Он смотрит на неё, но она не отводит взгляд, хотя внутри

всё дрожит.

«Он теребит запонку, — думает Настя. — Значит, волнуется. Сейчас он скажет: "Вы мне снились" или: "Убирайтесь вон", а может: "Давай вместе сбежим отсюда и поженимся"».

Максим Сергеевич наклоняет голову и шёпотом произносит:

— У вас лягушка из сумки выглядывает.

Настя медленно опускает взгляд, из кармана её пакета, из-под банки с солёными огурцами, торчит маленькая зелёная лапка с перепонками. Это её подруга и советчица, которую она взяла с собой в отдельной коробочке с мхом. Жаба Клава сидит на банке, нагло моргая золотистыми глазами.

Настя поднимает глаза на Максима Сергеевича и улыбается самой обаятельной улыбкой, на которую только способна девушка, выросшая в избе без удобств, но с полным набором заговоров на любой случай жизни.

— Это талисман, — говорит она.

Максим Сергеевич переводит взгляд с жабы на неё, смотрит снова на жабу, открывает рот и закрывает. Запонка под его пальцами вертится с утроенной скоростью. Он так ничего и не сказал, развернулся и ушёл в кабинет, плотно закрыв за собой дверь.

Настя стоит с чемоданом в одной руке и пакетом в другой. Домовой в сундуке ворчливо шепчет:

— Ну, поздравляю! Первое впечатление провалено. Он теперь думает, что ты психопатка с земноводными. Класси-

ка жанра!

Настя вздыхает, поправляет косу и шепчет в ответ:

— Это не первое впечатление, дядя Кузь. Он ещё придёт. Я заварю ему чай с мятой и он всё поймёт.

Она ставит чемодан на пол, устраивает пакет на стуле и начинает разбирать вещи. Первым делом достаёт и засыпает грунт, наливает наговорной воды и запускает Клаву в мини-атюрное болото. Приёмная «Строй Инвест» ещё никогда не видела ничего подобного. Так началась история Настеньки из деревни, которая приехала искать свою любовь.

Глава 2. Собеседование с жабами

Приёмная «Строй Инвест». Листья пластиковых фикусов не шевелятся даже под ветром кондиционера. За панорамными окнами раскинулись бетонные джунгли. Москва-сити предстала перед Настей во всей красе. Она сидит на жёстком стуле, положив руки на колени. Тело начинает затекать. Перед ней на полу стоит открытый чемодан, из которого торчит берёзовый веник, перевязанный красной ниткой. Кузя выбрался наружу. Посторонние его не видят, но Настя следит за ним боковым зрением. Маленький, лохматый, с хитрой мордой и лаптями на босу ногу. Он обнюхивает стойку ресепшн с таким видом, будто ищет, куда бы нагадить.

— Пластик, — брезгливо говорит Кузя. — Везде пластик. Ты уверена, что хочешь здесь работать?

— Уверена, — прошептала Настя, не поворачивая головы. — Здесь моя судьба. Я это чувю.

— Такое себе, — сказал Кузя и полез обратно в чемодан, накрывшись веником словно одеялом.

Дверь кабинета открылась. Из неё вышла худая женщина в очках с понурым выражением лица, которая работа здесь три года секретаршей до неё. Она молча кивнула Насте и исчезла в лифте, даже не попрощавшись.

«Она проработала здесь три года и ни разу не влюбилась в босса, — подумала Настя. — Как такое возможно? Может,

она слепая? Или у неё вообще нет сердца? У меня вот сердце сейчас выпрыгнет из груди, а он даже ещё не пригласил меня на собеседование».

Из кабинета донёлся ровный голос Максима Сергеевича:
— Заходите.

Кабинет босса оказался квадратным. Большой стол из чёрного дерева, три телефона, ноутбук. Идеальный порядок. Ни одной лишней бумажки или пылинки. За спиной Максима виднелось огромное панорамное окно на Москву-сити. Башни казались игрушечными с такого расстояния. Он сидел в большом кожаном кресле и смотрел на Настю так, будто она не живая девушка, а сложный чертёж с ошибками в расчётах.

— Присаживайтесь, — сказал он.

Настя села на холодный стул. Она одёрнула юбку, купленную на базаре в райцентре. Коса упала на грудь. Настя машинально поправила её, чтобы не болталась.

Максим Сергеевич листал её резюме, не поднимая глаз. Настя успела разглядеть его руки. Длинные пальцы, чистые ногти и серебряная запонка с гравировкой «М.С.» Он то и дело теребил её чуть заметным движением большого пальца.

— Итак, Настя, — он прочитал следующую строчку и на секунду замер. — Из села Дураково?

— Дураково, — подтвердила Настя с таким достоинством, будто речь шла о родовом поместье. — Название говорящее, но мы не виноваты. Предки так называли, нам рас-

хлёбывать.

Максим поднял бровь всего на миллиметр, но Настя заметила. Она хорошо умела замечать такие вещи, потому что в деревне значила любая мелочь. Его губы дёрнулись. Кажется, он подавил улыбку.

— Среднее специальное образование. Курсы секретарей, — продолжал он монотонно. — Увлекаетесь «славянской этноботаникой». Это что?

Настя выпрямилась и посмотрела ему прямо в серые глаза, но с крошечной золотой искоркой, которую она заметила.

— Я умею растить лягушку в горшке, — сказала она серьёзно. — И заговаривать принтеры, чтобы не заедали. И ещё могу снимать мигрень. У вас она, кстати, в левой половине головы, недалеко от затылка. Вы плохо спите по ночам.

Пауза. Максим перестал теребить запонку и замер.

— Настя, вы сейчас шутите?

«Он спросил, шучу ли я, — подумала Настя. — Значит, он допускает, что я могу не шутить. Это доверие и первый шаг к тому, чтобы называть меня по имени без отчества. Он уже видит во мне не просто секретаршу, а настоящую тайну. Мужчины любят это. Я стану его загадкой, а потом и женой. На свадьбе будет бабка в платке, Кузя спляшет под гармонь, и Клава принесёт в зубах обручальные кольца. Я уже всё продумала».

— Не шучу, — твёрдо ответила она. — Но могу и шутить, если нужно.

Максим смотрел на неё долгих пять секунд. Потом закрыл резюме, откинулся на спинку кресла и сказал:

— Вы приняты. Испытательный срок составляет две недели. Рабочее место в приёмной. Приступайте завтра. И... — он сделал паузу, словно собираясь с силами. — Без амфибий в офисе.

Настя встала, поправила юбку и улыбнулась простодушно, но с подвохом.

— Договорились! А талисман можно? Маленький.

Максим закрыл глаза и потёр переносицу. Это жест человека, который сдаётся под натиском абсурда.

— Что за талисман?

— Лягушка.

Он открыл глаза, посмотрел на Настю и её косу.

— Ладно, — сказал он, вздыхая. — Одну маленькую. И чтобы не квакала на совещаниях.

«Он разрешил! — пронеслось в голове у Насти. — Он согласился на лягушку! Это не просто уступка, а победа! Он готов принимать мои странности, а значит, готов принимать и меня. Всю! С корнями, травами и жабой. Свадьба через пять месяцев, я уже вижу белую фату с вышивкой. Он будет стоять у алтаря и теревить свою запонку».

Конец коридора рядом с туалетом и пожарным щитом. Тут всегда пахнет затхлой водой. Ленка и Вера стоят у кулера с пластиковыми стаканчиками. Ленка одета в леопардо-

вую блузку с глубоким вырезом. У неё наращены ресницы, похожие на лапки паука-птицееда. Вера классическая незаметная сотрудница офиса словно мышь, но с острыми, цепкими глазами, которые ничего не упускают из виду.

— Ты видела эту новую? — Ленка выдохнула облако дыма. — Коса до жопы. Бабушкин платок. Она что, из цирка сбежала?

Вера тихо, но ядовито добавила:

— Говорят, она в чемодане веник привезла. И банки с солёными огурцами. Охранник Петрович видел.

Ленка громко заржала по лошадиному. Стаканчик в её руке задрожал.

— Привезла огурцы в Москву!

— Дура! — поддержала Вера.

— Корпорожея хренова!

— Это погоняло у неё такое?

— Ну, — ответила скривив лицо Лена. От всей корпорации родить собирается. Потаскуха деревенская.

— Да, — ехидно скривилась Вера. — Заворожу и рожу!

— Рожу, корпорожу, всю корпорацию обслужу! — поддержала Лена.

— А коса какая, — подхватила Вера. — Пол подметать хорошо.

— Дойки вытаращила, — Ленка изобразила руками что-то неприличное. — Как корова. Босс, небось, уже глаз положил.

Вера ещё сильнее оживилась.

— Думаешь?

— Я в дверь подглядывала, — Ленка понизила голос до заговорщического шёпота. — Он на неё на собеседовании как на икону смотрел с открытым ртом. Я такого даже при прошлой секретарше не видела, а та в декольте ходила.

Вера замерла. Её пальцы побелели на пластиковом стаканчике.

— Он на меня так никогда не смотрел, — сказала она сквозь зубы. — А я тут три года, Ленка. Я ему отчёты ночами делала и кофе варила. Корпорожея приехала со своими дойками да веником на голове и увела мужика!

Ленка хлопнула её по плечу:

— Ничего, подруга. Мы ей быстро крылья подрежем. Устроим тёмную. Ты в бухгалтерии, я в продажах. У нас ресурсы.

Они переглянулись. Заговор состоялся, хотя ничего конкретного сказано не было.

Вечером, когда офис опустел, Настя осталась одна. Она достала из чемодана грунт, мох, ряску и маленький пакетик с наговорённой землёй из родного болота. Клава сидела в коробке с отверстиями. Зелёная. Пупырчатая. Золотистыми глаза смотрела на мир с королевским спокойствием.

— Ну что, Клава, — шепнула Настя, выпуская жабу на ладонь. — Начинаем! Здесь будет наше болото. Маленькое,

но своё.

Она насыпала грунт, полила наговорной водой, посадила кустик багульника, принесённого из дома, и подумала: «Ключевая водица и болотная роса, что растёт на трёх кочках». Клава прыгнула в кадку, покрутилась, булькнула и устроилась на мху, словно на троне. Кузя вылез из чемодана, потянулся и почесал пузо.

— Лучше бы ты приворот на него сделала, чем болото разводить, — сказал он беззлобно. — Наливаешь зелье в кофе и готово. Через неделю он твой.

Настя, не оборачиваясь, поправила косынку на голове:

— Успеется! Для начала познакомимся поближе. Приворот без контакта всё равно что суп без соли. Бабка учила, что сначала надобно почву подготовь. А ты предлагаешь сразу плугом да по целине. Непорядок!

— О, смотри, какая умная стала, — хмыкнул Кузя, залезая на принтер. — А бабка тебя не учила, что без приворота не любовь?

Настя вздохнула и посмотрела на дверь кабинета Максима. Закрыта. Под ней не горит свет. Он ушёл, даже не попрощавшись.

«Ушёл через чёрный ход, — подумала Настя. — Чтобы я не видела, как он садится в машину и не догадалась, что он боится меня. Да, точно. Он боится своих чувств, поэтому и сбежал. Мужчины всегда сбегают, когда влюбляются. Я читала в женском журнале, когда стояла в очереди. Значит, всё

идёт по плану».

Она встала и огляделась. Дверь в кабинет Максима оказалась не заперта. Вот так доверие! Или это беспечность? Настя осторожно толкнула дверь и вошла. На столе он оставил идеальный порядок. Стояла лишь чашка с остатками кофе. Тёмная керамика. Никаких рисунков. Настя аккуратно взяла чашку. Прискакавший следом Кузя тут же насторожился:

— Что ты делаешь? Это же воровство.

— Снимаю след, — шепнула Настя. — Не бойся, это не воровство, а диагностика. Бабка всегда так делала. Возьмёт чашку человека и тут же всё про него узнает. Где болит, кого любит, когда помрёт.

Она провела пальцем по краю чашки там, где губы касались керамики. Закрыла глаза. Шепнула заговор на распознавание: «След на глине, след на душе». Открыла глаза и улыбнулась.

— У него часто мигрень в левой половине головы, я угадала. И он очень одинок. Даже тосклив. И ещё... — она прищурилась. — Он носит под рубашкой материнский оберег. Шерстяная нитка на левом запястье под манжетой. Значит, он верит. Просто стесняется.

Кузя недоверчиво хихикнул:

— Или это просто совпадение.

— Нет, — резко ответила Настя, ставя чашку на место. — Пункт первый, он мой. Пункт второй, он об этом ещё не знает. Пункт третий, я сама ему всё расскажу.

Она уже собралась выходить из кабинета, когда услышала шаги. Двое. Женские. И они направлялись в приёмную. Настя быстро выскользнула из кабинета, села на своё место и положила руки на стол, изобразив невинность и трудолюбие.

Дверь в приёмную открылась. Вошли Ленка и Вера. Ленка несёт в руках пустую пластиковую ёмкость из-под фикуса. На горшке маркером написано: «Долой паразитов».

— Ой, Настенька, — запела Ленка сладким голосом. — А мы тебе подарочек принесли. Для твоей... лягушки. Чтобы не тесно было. Ты же у нас любишь живность.

Она поставила горшок на пол. Вера улыбнулась улыбкой, которая не поднимается выше губ и не касается глаз.

— Ты извини, что мы без предупреждения, — добавила Вера. — Просто хотели помочь. Мы же коллеги теперь, одна семья.

Настя посмотрела на горшок и принялась. Ноздри сразу же дрогнули.

«Они что-то подложили, — подумала она и холодок пробежал по спине. — Я чувую соль под грунтом. И ещё... полынь? Нет, это не полынь, а самодельная отравка для жаб. Нафталин, смешанный с толчёным мелом. Дешёвка, но Клаву убьёт за час».

Она улыбнулась самой обаятельной улыбкой, на которую была способна.

— Спасибо, девочки. Очень предусмотрительно. Я как раз хотела расширяться.

Ленка и Вера переглянулись.

— Ну, бывай, — бросила Ленка и потянула Веру за рукав.

— Завтра увидимся.

Они ушли. Когда шаги в коридоре затихли, Кузя вылез из-под стола и с опаской обошёл горшок по кругу.

— Там яд, — сказал он. — Нафталин. Чувствуется же!

— Знаю, — спокойно ответила Настя.

— И что будешь делать?

Настя достала из чемодана маленький пузырёк из тёмного стекла с мутной зеленоватой жидкостью и откупорила. Пахло болотом, тиной и чем-то сладковато-гнилым.

— Яд превращу в снотворное, — сказала она. — А завтра они сами уснут на рабочем месте. И никто не докажет. Анализы покажут, что это естественная усталость и переутомление.

Она капнула три капли в кадку. Жидкость зашипела, грунт потемнел, а потом снова посветлел. Из земли полезли крошечные зелёные ростки. Настя заговорила отраву. Кузя с уважением почесал затылок:

— Жёстко ты, Настя. Бабка бы одобрила.

Настя выпрямилась и поправила косу.

— Бабка всегда говорила: «Не трави, а усыпляй. Так и враги живы, и совесть чиста». Завтра у нас будет тихий день.

Утро началось с того, что Настя пришла на полчаса раньше всех. Она поправила болото Клавы. Жаба сидела наглая

и сытая. Кажись, даже выросла за ночь. В горшке, который принесли Ленка с Верой, теперь красовался пышный куст крапивы с резными листьями.

— Растёт, — удовлетворённо отметила Настя. — Значит, заговор сработал.

Ровно в десять утра пришли Ленка и Вера. С порога они зевали. Ленка рухнула в своё кресло и положила голову на руки. Вера попыталась открыть ноутбук, но пальцы не слушались. Через пять минут Ленка буквально уткнулась носом в клавиатуру. Вера сползла с кресла и прислонилась щекой к монитору.

— Что-то я... спать хочу, — простонала Ленка и засопела.

Вера спала открытыми глазами. Страшное зрелище. Весь отдел, состоящий из двух менеджеров, курьера и бухгалтерши, смотрели на них в шоке. Кто-то вызвал скорую и охранника.

Вошёл Максим Сергеевич в сером костюме с газетой под мышкой. Он увидел спящих Ленку и Веру, остановился. Посмотрел на Настю. Она сидела за своим столом, деловито перебирая бумаги. Коса лежала на плече. Платок завязан узлом.

— Что здесь произошло? — спросил Максим холодно.

Настя подняла на него свои невинные глаза.

— Не знаю, Максим Сергеевич. Устали, наверное.

Максим посмотрел на неё. Настя не отвела взгляд. Она смотрела прямо в его серые глаза с золотой искоркой. Вдруг,

его губы дрогнули не в гримасе, а в чём-то похожем на настоящую улыбку.

— Странная, — тихо сказал он.

Настя ощутила себя на седьмом небе от счастья. В голове пронеслись мысли: «Он сказал это. То самое. "Странная". Это фраза из моего пророчества! Я прокручивала этот момент. Он смотрит на меня, я смотрю на него, и он произносит эти слова. Всё сбывается. Сейчас он добавит "но мне это нравится"».

Максим замолчал, потрогал запонку и отвернулся.

— Но мне это, — он сделал паузу, — Не мешает, пока.

И ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь. Настя выдохнула. Кузя выглянул из-за монитора и шепнул:

— «Не мешает» не тоже самое, что «нравится». Ты слишком быстро скачешь, Настя.

— Это только начало, — прошептала она в ответ, не отрывая глаз от закрытой двери. — Клава, ты чувствуешь? Запах любви в воздухе.

Из кадки донеслось короткое кваканье. Клава как будто сказала: «Не торопи события, дурында». Но Настя не слушала. Она уже видела фату.

В конце коридора, у лифта, когда сотрудники разошлись по местам и скорая увезла Ленку с Верой, показался мужчина в дорогом пальто из чёрной кашемировой шерсти. Он держал в руках фотографию, распечатанную на обычном принтере, с полями для обрезки. На фотографии Настя. То самое

фото, что она прикрепила к резюме.

Мужчина дружелюбно улыбнулся, но что-то в его взгляде заставило мурашки пробежать по коже. Он шагнул в лифт. Двери закрылись. Настя заметила его лишь краем глаза. Кузя, который сидел у неё на плече, вдруг весь напрягся.

— Настя, — прошептал он. — Этот человек не из отдела. От него пахнет деньгами и старой сильной порчей.

Настя повернула голову, но лифт уже уехал.

— Кто это?

— Не знаю, — Кузя спрыгнул с плеча и юркнул в чемодан, зарывшись в веник. — Похоже, он тебя искал и нашёл.

В приёмной горит неоновый свет. Клава тревожно квакает два раза подряд. Крапива в отравленной кадке зашевелила листьями без ветра.

Настя медленно перевела взгляд на дверь кабинета Максима. Там горит свет. Он остался работать допоздна. Она слышала, как он разговаривает с кем-то по телефону на повышенных тонах.

«Ну вот, — подумала Настя. — Только я нашла свою любовь, так началось».

Она достала из кармана маленького деревянного конька на красной нитке, бабкин оберег, и поцеловала его.

— Бережёного Бог бережёт, — шепнула она.

Кузя засуетился в чемодане, но ничего не ответил.

Глава 3. Болото в стаканчике

Тишина в приёмной. После того, как Ленку и Веру увезла скорая, их столы пустовали. Мониторы погашены. Лишь кружки с засохшим кофе напоминали о том, что здесь ещё недавно кто-то сидел. Врачи развели руками: «Чистое переутомление. Нужны как минимум три дня отдыха». Но Настя знала, что никакое это не переутомление, а три капли наговорной жидкости, превратившие яд в сон.

Теперь она сидела одна, расправив косу по плечу, и чувствовала себя королевой. Болото в кадке шевелилось. Клава довольно булькала. По стенам, невидимые для всех, ползали пауки шептуны, принося вести из каждого угла. Кузя вылез из чемодана и устроился на принтере, свесив ноги в лаптях. Он зевнул и сказал:

— Тишина-то какая. Без этих двух болтушек благодать настоящая. Может, так и оставим? Подсыплешь им ещё снотворного в кофе и будут спать вечно. А мы тут без сплетен, как в раю.

Настя раскладывала бумаги, не поднимая головы, и ответила спокойно, как и учила бабка:

— Нельзя. Они потом привыкнут и иммунитет выработают. Бабка всегда говорила, что одно и то же зелье использовать на одних и тех же людей можно только два раза. Иначе будет отравление и необратимые последствия, а мне трупы

в офисе не нужны.

— А ты у нас ответственная, — хмыкнул Кузя, почесав пузо. — Ладно, тогда давай болото расширять, а то Клаве тесно.

Донеслось короткое, но выразительное кваканье. Клава явно была согласна. Час спустя Настя шла по коридору с огромной стеклянной банкой в руках, в которой плавали зелёные нити ряски, лежали три гладких камешка, привезённых из родного болота, и торчал маленький пучок багульника, перевязанный красной ниткой. Настя остановилась у двери в кабинет босса и прислушалась. За дверью раздался раздражённый голос Максима Сергеевича.

— Я сказал нет. Никаких новых проектов до мая. Да, я понимаю, что вы хотите, но... — пауза, тяжёлый вздох. — Нет, меня не интересует их цена. Мне нужны гарантии, а не обещания. Конец связи.

Послышался звук брошенной трубки и скрип кресла. В голове Насти пронеслись мысли. Она уже привыкла прокручивать в голове романтические сценарии даже в самых неподходящих местах.

«Он опять на нервах. Мигрень сейчас начнётся. Я чувствую это даже за два метра. У меня на это особый нюх. Бедный мой, никто его не понимает. Все только требуют. Проекты. Деньги. Отчёты. Я бы ему чайку заварила с мятой и мелиссой. Погладила бы по голове, как бабка меня гладила, когда у меня зуб болел, и сказала: "Всё будет хорошо, Мак-

сим Сергеевич, вы просто устали. Я рядом". Он посмотрел бы на меня и всё сразу понял. Запонка бы его перестала дёргаться».

Настя сделала шаг к двери и в этот момент из-за угла, бесшумно, словно привидение, вышел охранник Петрович. Лысый. В форме на два размера больше. Брелок пропуска болтается на животе. Он посмотрел на банку в руках Насти подозрительно, как таможенник на контрабанду.

— Это вы чего с банкой? — спросил он басом. — У нас тут не теплица и не зоопарк.

Настя улыбнулась своей чарующей улыбкой. Той самой, которой улыбалась деревенским котам, когда они приносилидохлых мышей.

— Это не теплица, Петрович, а миниатюрное болото для жабы.

Петрович замер. Он перевёл взгляд с банки на Настю и с Насти на банку.

— Жаба? — переспросил он таким тоном, будто она сказала «крокодил». — У нас в офисе? Живая?

— Клава. Очень воспитанная. Не шумит и не кусается. И вообще, она к деньгам.

Петрович почесал затылок, как будто решал судьбу мира. Потом вздохнул как человек, который сдаётся под натиском абсурда, потому что сил спорить уже нет.

— Ладно, барышня. Только чтобы никто не видел, а то если наши дамы из бухгалтерии жабу увидят, визгу будет на

весь этаж. Мне потом начальство выговор выпишет за нарушение тишины и премии лишит.

Он развернулся и ушёл, бормоча под нос: «Дожили, жабы в офисах». Кузя, который всё это время сидел у Насти на плече, прошептал:

— Хороший мужик. Только порча на нём. Похоже бывшая жена повесила. Ревность. Крепкая, лет на десять.

— Замету, — так же шёпотом ответила Настя. — Потом помогу, когда болото окрепнет.

Она зашла в приёмную и поставила банку на тумбочку рядом с Клавиной кадкой. Достала из кармана маленький мешочек из домотканой ткани. Внутри лежали сушёные травы, мята, зверобой и крапива, заговорённая на новолуние. Настя отсыпала щепотку в воду и прошептала:

— Водица болотица, прими силу трав, стань живой, как утренняя роса, дай покой тому, кто испьёт, и отведи напасть от того, кто рядом.

Вода сначала помутнела и пошла пузырями, а потом вдруг стала прозрачной. На дне появился тонкий слой тины, как в настоящем лесном озерце. Кузя одобритительно кивнул:

— Красотища какая! Теперь у нас два болота. Как в родной деревне. Осталось только комаров завести.

— Не каркай, — одёрнула его Настя.

— Три, — поправила она. — Я ещё в горшке под столом посадила осоку и папоротник заговорённый.

Клава довольно булькнула, вылезла на камень и устави-

лась на новую банку с видом собственницы, проверяющей, не залез ли кто на её территорию.

У кулера собрались двое. Менеджер Костя, тридцатилетний парень в свитере с северными оленями, и курьер Сергей. Ему двадцать пять лет. Он ходит в кепке козырьком назад и с вечно прищуренными глазами, будто только что проснулся. Они перешёптываются, поглядывая в сторону приёмной, где за стеклянной перегородкой виднеется силуэт Насти с косой.

— Ты видел её банку? — спросил Костя шёпотом, наклоняясь к самому уху Сергея. — Там что-то зелёное растёт и шевелится.

— Видел, — кивнул Сергей, сделав глоток воды. — И лягушку видел. Она с ней разговаривает. Серьёзно. Я сегодня утром подошёл бумаги отдать, так она сидит и говорит: «Клава, не лезь в рядку, ты уже поела». Жаба её слушается.

Костя нервно хмыкнул:

— Может, она того... — он покрутил пальцем у виска. — Деревенская ведьма? Я читал, в глубинке до сих пор есть.

— А вдруг она нас сглазит? — Сергей испуганно оглянулся. — Я на неё вчера не так посмотрел. Думаешь, из-за этого у меня сейчас кредитка не проходит?

Костя засмеялся, но смех получился натянутым.

— Не бойся. Она симпатичная. Не должна гадостей делать.

В этот момент из приёмной вышла Настя с пустой кружкой в руке, направляясь в их сторону. Мужчины резко за-

молчали и отвернулись, делая вид, что обсуждают погоду.

Настя налила себе воды и посмотрела на Костю. Тот покраснел. Глянула на Сергея. Тот зачем-то поправил кепку.

«Сглазить? — подумала Настя с лёгкой иронией. — Я бы могла. Легко. Но мне лень. И потом, Костя хороший. Он один не сплетничал, когда Ленка меня "Корпорожею" обзывала. А Сергей тот ещё фрукт, но безобидный. Главное, чтобы Ленка с Верой не вернулись раньше времени. У меня ещё есть планы на сегодня. Надо напоить босса отваром и посмотреть, как он будет расслабляться».

Она кивнула мужчинам и ушла обратно в приёмную, оставив их перешёптываться дальше.

Вечер. За окнами зажглись огни Москвы-сити. Приёмную залил искусственный свет люминесцентных ламп. Лишь болото в кадке и банке жило своей жизнью. Клава перебирала лапками. Ряска колыхалась без ветра. Даже крапива в отравленной кадке, которую принесли Ленка с Верой, вытянулась почти до полуметра.

Настя сидела за своим столом, перебирала бумаги, но думала о другом. Она ждала. Дверь кабинета Максима открылась. Он вышел усталый, как будто после марафона. Под глазами залегли тени. Рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу. Он заметил новую банку у Насти и остановился.

— Это ещё что? — спросил он голосом, в котором усталость боролась с раздражением.

Настя встала, поправила юбку и зачем-то оправила косу.

— Второе болото, Максим Сергеевич. Для гармонии.

— Вы издеваетесь?

— Никак нет, — ответила она с абсолютно серьёзным лицом. — Вот в этой банке вода из-под ряски. Она успокаивает нервную систему. Я себе такую же дома держу. И мигрень сама прошла без таблеток.

Максим посмотрел на неё изучающе, как смотрит врач на пациента с редким диагнозом. Потом перевёл взгляд на банку, Клаву и крапиву. Потёр переносицу.

— У меня мигрень, — сказал он тихо. — Сейчас. Вот прямо сейчас. Вы вчера угадали.

Настя почувствовала восторг от того, что он ей доверился.

— Я могу помочь, — сказала она осторожно, но с теплотой в голосе, которая чувствовалась даже сквозь деловой тон. — Без таблеток. У меня есть отвар чисто растительный. Бабка по такому рецепту всю деревню вылечила.

Пауза. Максим молчит, теребя запонку. Настя молчит, глядя ему в глаза.

— Знаете, Настя, — наконец произнёс он. — Я вчера серьёзно думал уволить вас за странности.

У Насти внутри всё оборвалось.

«Уволить? — подумала Настя. — Но он не успел ещё в меня влюбиться! Это полный провал. Бабка говорила: "Не показывай всё сразу, оставь загадку на потом, пусть человек сам тянется". А я всё показала. Перебор. Дура деревенская.

Кто ж так колдует в городе?»

Максим, словно прочитав её мысли или просто заметив, как она побледнела, продолжил:

— Но потом подумал, что вы единственная, кто не врёт мне в глаза. Ложь надоела. Клиенты врут. Партнёры врут. А вы пришли с лягушкой и сказали: «Это талисман». Я поверил, потому что это настолько абсурдно, что не может быть ложью.

Он посмотрел на Клаву. Жаба вылезла на камень, нагло уставилась на него золотистыми глазами и моргнула.

— И жаба ваша, — Максим сделал паузу, подбирая слово, — К деньгам же? Смотрю на неё и голова перестаёт болеть.

Настя выдохнула. Кузя под столом услышал и одобрительно заёрзал.

— Жабы — это к деньгам и покою, — сказала она. — В Китае их вообще священными считают.

Максим вдруг шагнул к ней и спросил почти шёпотом:

— Дайте свой отвар.

Настя не стала ждать второго раза. Она достала из сумочки маленький берёзовый термос с ручной росписью и налила в пластиковый стаканчик тёплую жидкость цвета болотной воды, с лёгким травяным запахом.

Максим взял стаканчик. Понюхал. Бровь удивлённо поползла вверх, но не от отвращения, а от неожиданного узнавания. Потом сделал маленький глоток. Ещё один.

Его плечи расслабились прямо на глазах, как будто кто-

то снял с них тяжёлый рюкзак. Лицо разгладилось. Тени под глазами стали светлее. Он закрыл глаза на несколько секунд и просто стоял, держа стаканчик в обеих руках.

— Что это? — спросил он, не открывая глаз.

Настя улыбнулась.

— Секрет фирмы, Максим Сергеевич. Но если хотите ещё, то буду заваривать вам каждое утро. Бесплатно. В рамках трудового договора.

Он открыл глаза и посмотрел на неё по-новому не как на секретаршу, а как на человека, который только что сделал что-то очень важное и личное.

— Хочу, — сказал он тихо. — Но чтобы никто не знал. Только вы и я.

«Он сказал хочу, — подумала Настя. — Это уже не деловое предложение, а тайная договорённость. Теперь он будет пить моё зелье каждое утро. Значит, будет думать обо мне каждое утро, а потом и каждую ночь. Он сказал "только вы и я". Это почти признание в любви. Свадьба через четыре месяца. Надо заказать белое платье. Клава в ленточках должна посидеть на подушечке с кольцами».

Максим ушёл в кабинет, унося стаканчик с отваром. Дверь закрылась. Настя села на стул, выдохнула и прижала руки к груди. Кузя вылез из-под стола, отряхивая лапти.

— Ну ты даёшь, — сказал он с уважением. — Поить начальника болотной водой. Я такого даже в сказках не слышивал.

— Это не болотная вода, дядя Кузь, — ответила Настя, глядя на закрытую дверь. — Это отвар из багульника, мяты, трёх капель наговорной росы и щепотки бабкиной любви. Он через неделю спать без меня не сможет.

— Это называется «зависимость», — наставительно заметил Кузя, залезая обратно на принтер. — А не любовь.

— Любовь и зависимость, — сказала Настя, беря в руки пустой термос и вдыхая остаточный аромат трав. — Это два разных слова для одного и того же. Бабка так говорила, а она никогда не ошибалась.

Клава из кадки коротко, но выразительно квакнула.

Офис после закрытия. Моргает огонёк на факсе. Кондиционер выдувает холодный воздух. Настя задержалась допоздна, потому что варила новую порцию отвара на завтра. Она разложила на столе травы, достала походную спиртовку и поставила медный котелок.

Клава плавала в кадке, время от времени пуская пузыри. Кузя уснул, укрывшись веником. Вдруг противный звук, на вроде скрежета ногтей по стеклу. Настя поднимает голову. Сначала она подумала, что это мышь. Но в офисе мышей быть не могло. Звук повторился. Теперь она поняла, что кто-то пишет на окне маркером снаружи.

Офис на тридцатом этаже. Окна не открываются. Настя медленно встала и положила ложку для трав. Она подошла к панорамному окну, за которым сверкала ночная Москва.

Сначала она ничего не увидела, лишь отражение себя, а потом на стекле внезапно появилась тень. Тонкая. Длинная. С крючковатыми пальцами, похожими на корни старого дерева.

Тень двигалась, будто кто-то стоял за стеклом, но снаружи не было ни карниза, ни балкона. Настя отшатнулась. Сердце бешено заколотилось. Из кадки тревожно квакнула Клава. Из пол стола вылетел взъерошенный Кузя с вытаращенными глазами.

— Я же говорил! — зашипел он. — Чужак! Я его ещё в лифте унюхал!

Потом раздался скрипучий голос словно несмазанная дверь в старом амбаре, но при этом отчётливый, как будто говоривший стоял прямо за плечом:

— Привет, ведьма. Давно не виделись.

Настя вцепилась в оберег на шее и шепнула заговорное слово, но голос не исчез. Тень на стекле зашевелилась и распалась на буквы. Буквы сложились в слова будто изнутри стекла, светящиеся тускло-зелёным:

«Твоя бабка должна была умереть не одна».

Настя замерла. Бабка умерла год назад во сне. Спокойно. Никто не приходил её убивать. Она никогда не рассказывала о врагах.

— Кто ты? — спросила Настя в темноту, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Тень исчезла. Буквы погасли. Осталась только тусклая зе-

лёная надпись на стекле, которая медленно таяла. Кузя дрожал у её ног.

— Настя, — прошептал он, — я же говорил. Тот человек в пальто. Он тебя искал. Это он послал. Уходим отсюда пока не поздно.

Настя не успела ответить. В коридоре раздались тяжёлые мужские шаги. Дверь в приёмную открылась. На пороге стоял Максим Сергеевич. Он не ушёл домой. Всё это время он был в кабинете и слышал голос? Видел свечение? Или просто почувствовал, что что-то не так?

Он посмотрел на Настю, а потом на окно, где ещё догорали остатки зелёной надписи.

— Настя, — сказал он голосом, в котором смешивался страх с чем-то другим, похожим на восхищение. — Что это было?

Что она могла сказать? «Это тень убийцы моей бабки»? «Это колдун, который хочет моей смерти»? «Я ведьма, Максим Сергеевич, и теперь вы вляпались?»

Она молчала, а он сделал шаг вперёд.

— Я не уволю вас, — сказал он тихо. — Но вы мне всё расскажете и не вздумайте врать — Я видел, что вы колдовали над котелком, и слышал тот голос.

Кузя забился под стол и прошептал так, чтобы только Настя услышала:

— Попадос!

Настя подняла глаза на Максима. В его взгляде не было

насмешки, а было жадное, почти голодное любопытство человека, который всю жизнь искал чудо и наконец нашёл.

Она вздохнула и поправила косу.

— Хорошо, Максим Сергеевич, — сказала она. — Расскажу, но вы не поверите.

— Посмотрим, — ответил он.

Он развернулся и пошёл в кабинет, не оборачиваясь. Настя последовала за ним, чувствуя спиной взгляд Кузи, который остался в приёмной. Клава квакнула протяжно один раз. За окном снова появилась тень, но теперь она коварно улыбалась.

Глава 4. Приворотное зелье

Кабинет Максима Сергеевича выглядит ночью словно космический корабль, застывший в безвоздушном пространстве. За панорамным окном сверкает огнями Москва-сити. Сотни окон. Десятки тысяч жизней. Внутри кабинета чёрная кожаная мебель и полированный стол без единой пылинки. Мониторы, заснувшие в режиме ожидания. Лишь запах дорогого свежего кофе напоминает о том, что этот кабинет принадлежит живому человеку.

Максим сидит в своём кресле, сложив руки замком, и смотрит на Настю. Она стоит перед ним, как нашкодившая школьница, но не опуская глаз. Дома в деревне её учили, что если ты не виновата, то смотри прямо, а если виновата, то смотри ещё прямее, чтобы не догадались.

На столе между ними стоит её маленький медный котелок с облупившейся краской, внутри которого ещё плещутся остатки отвара. Рядом лежит деревянная ложка с выжженной руной. Пахнет от всего этого болотом, мятой и чем-то неуловимо древним.

— Итак, — произнёс Максим ровным голосом, но с тревожной ноткой. — Вы ведьма с жабой и домовым. А кто это у окна?

Настя собралась, вдохнула и выдохнула. В деревне её учили, что перед тем как признаваться в колдовстве, нужно три

раза улыбнуться внутренней улыбке, которую не видно снаружи. Она улыбнулась. Один раз. Два. Три.

— Я не знаю, кто это, — сказала она честно, потому что врать перед лицом того, кто только что видел светящиеся буквы на стекле, было бессмысленно. — Но он знает мою бабушку знахарку. Она умерла год назад. Я думала, что своей смертью. А теперь...

Она замолчала, потому что в горле пересохло. Настя вспомнила бабушку, её морщинистые руки, пахнущие сушёными травами и печёным хлебом. «Не торопись, Настя, всему своё время, даже любви». Её последние слова, которые Настя тогда не поняла: «Если кто спросит про рецепт с лунной слезой, то смотри не давай».

Максим ждал. Он любил выдерживать паузу до тех пор, пока собеседник сам всё не выложит.

«Сейчас он вызовет охрану, — пронеслось в голове у Насти. — Или психиатров. Снимет на телефон и выложит в соцсети с подписью "Секретарша колдунья". Но он выглядит не напуганным, а заинтересованным. Словно археолог, нашедший горшок с надписью "Не открывать, опасно для жизни", но всё равно открывает. Может, это и есть мой шанс? Не приворот или зелье, а просто быть собой. Ведьмой с жабой и домовым. Пусть он принимает или увольняет. Я устала притворяться нормальной».

— Садитесь, — неожиданно мягко сказал Максим. — И рассказывай всё с самого начала. Не торопись. У нас вся ночь

впереди.

Настя присела на стул, положила руки на колени и поправила косу, которая свешивалась через плечо почти до пояса. Выдержала небольшую паузу, сделала глубокий вдох и начала рассказывать. Она рассказала почти всё. Про бабку, которая умела заговаривать зубы и останавливать кровь. Про болото за деревней, где росли особенные травы, которые не найти в интернете. Про заговоры, которым она училась с шести лет. Про Кузю, который сейчас прячется под столом в приёмной и подслушивает. Про то, как она усыпила Ленку с Верой, превратив их яд в сон. Про пауков шептунов, которые ползают по офису и передают ей новости.

Она не рассказала только одного, что в её чемодане лежит бабкин травник, переписанный от руки на берёсте, и что на последней странице есть рецепт, который бабка велела никому не показывать.

Максим слушал, не перебивая. Запонка под его пальцами ходила ходуном. Он не смеялся, не кричал и не стал вызывать санитаров. Он просто сидел и обдумывал каждое слово.

— Значит, вы практикуете чёрную магию? — спросил он, когда она закончила.

Настя возмутилась так, что коса подпрыгнула.

— Никакую не чёрную! — воскликнула она. — Травы, заговоры и обереги. Это хорошая магия. Я никому зла не желала. Ну, почти никому.

— Ленке с Верой?

— Они первыми начали, — ответила Настя с достоинством оскорблённой праведницы. — И это был просто сон без вреда для здоровья. Даже полезно для очищения организма.

Максим встал, подошёл к окну и встал спиной к Насте, глядя на ночной город. Огни машин внизу.

— А отвар, который вы мне дали? — спросил он, не оборачиваясь. — Это тоже магия?

Настя выдохнула. Вопрос честный и ответ должен быть честным.

— Нет, — сказала она. — Это просто травы. Багульник, мята и три капли наговорной росы. Помогает от мигрени. Бабкин рецепт. Без колдовства.

Максим повернулся. Лицо спокойное, но в глазах появилось то, чего Настя раньше не видела. Не холод или усталость, а живое любопытство.

— А вы могли бы сделать приворот? — спросил он.

«Он сам спрашивает! — подумала Настя. — Это ловушка? Или он хочет, чтобы я его приворожила? Зачем? Он что, уже влюблён и просто проверяет? Или ему нужна страховка? Бабка говорила: "Никогда не признавайся в привороте, пока человек сам не попросит три раза. Первый раз любопытство, второй интерес, третий судьба". Он спросил лишь один раз. Считается? Или нет?»

Она осторожно, подобно сапёру на минном поле, ответила:

— Теоретически да, а практически не рекомендуется. Последствия непредсказуемы.

Максим усмехнулся почти по-доброму.

— Даже так?

Он подошёл к ней и остановился в шаге. Так близко, что Настя почувствовала запах его горьковатых духов с нотками кедра и чего-то морского. И ещё, едва уловимый, только для ведьминского нюха, запах одиночества. Так пахнет пустая квартира, в которой никто не ждёт.

— Настя, — сказал он тихо. — Я не знаю, во что верить. Всю жизнь я верил в цифры, договоры и факты. А вы приходите с жабой и говорите, что можете управлять реальностью. Это безумие. Но... — он сделал паузу, теребя запонку, — После вашего отвара мне впервые за полгода не снились кошмары. Я проснулся счастливым и отдохнувшим. Поэтому... делайте что хотите. Варите свои зелья. Разводите болото. Только без вреда для компании. И чтобы никто не узнал.

Он развернулся и сел за стол, давая понять, что разговор окончен. Настя выдохнула. Два дня она не спала. Вернее, спала, но урывками, между варкой. Съёмная квартира в Марьиной Роще пропахла травами так, что соседка баба Зина спросила, не умер ли у неё кто. Настя не ответила. Она сидела на кухне, над маленькой спиртовкой, и варила зелье. Не просто отвар от мигрени, а настоящий приворот.

В медном котелке булькала тёмная жидкость. Настя сыпала по очереди. Щепотку багульника, собранного на растущей

луне. Жабий жир. Клава пожертвовала три капли, обиженно квакая и отворачиваясь. Три листа крапивы, собранной без перчаток, чтобы с болью, потому что приворот без боли не работает. И самое главное, волос Максима Сергеевича. Она нашла его на кресле в его кабинете, когда он вышел на минуточку поговорить с курьером. Один короткий тёмный волосок. Настя держала его в ладони, а потом опустила в котелок.

Кузя сидел на холодильнике, свесив ноги в лаптях, и качал головой с таким видом, будто присутствовал при конце света.

— Не делай этого, Настя, — ворчал он. — Приворот — это насилие над душой. Он сам должен прийти своими ногами по своей воле.

— Он придёт, — ответила Настя, помешивая зелье деревянной ложкой с выжженной руной. — Я просто чуть-чуть ускорю процесс. Лёгкий толчок.

— Бабка завещала тебе не торопиться.

— Бабка умерла, дядя Кузь, — сказала Настя. — А мне жить и любить. Я не хочу ждать десять лет, пока он заметит, что я не просто секретарша.

— А ты уверена, что он заметит именно тебя, а не приворот? — спросил Кузя.

Настя не ответила. Она смотрела, как зелье в котелке загустевает, темнеет, а потом вдруг вспыхивает мягким золотистым светом словно летнее утро над болотом. Хороший цвет и правильный запах. Мёд и полынь, любовь да горечь.

— Готово, — шепнула Настя и налила зелье в маленький стеклянный флакон, который берегла для особого случая.

Кузя вздохнул и укрылся веником. На следующий день в офисе Настя ждала. Зелье лежало в кармане юбки, прижатое к бедру. Сердце стучало так, что его было слышно в соседнем кабинете.

Но прежде чем она успела сделать свой ход, в приёмную ворвались Ленка и Вера. Они вышли с больничного. Злые, как две гадюки после спячки, которым не дали мышь на завтрак. Ленка в новой леопардовой кофте, Вера в своём вечном сером костюме, но в глазах у обеих горел одинаковый огонь злобы.

— О, Корпорожея! — заорала Ленка с порога, не снижая голоса. — Жива ещё? А мы думали, тебя уже уволили за разведение болотных тварей. Или ты решила тут родить от всех по очереди?

Вера подхватила, тихо, но метко, словно вонзила нож под ребро:

— Смотри, у неё и крапива выросла. Целый лес. В той кадке, которую мы ей подарили. Сама, наверное, из семян посадила. Прямо на рабочем месте. Скоро грибы выращивать начнёт. Рожея, ворожея!

Настя не ответила. Она сидела за своим столом, разбирая бумаги и делая вид, что не слышит. Но внутри всё кипело.

«Блин, — подумала Настя. — Я могла бы сделать так, чтобы у Ленки выпали все волосы прямо в её леопардовую коф-

ту. А у Веру заговорить по-китайски, чтобы она не могла остановиться, и весь день объясняла бы начальству, почему материться на мандарине. Но я не буду, потому что обещала бабке. Но если они не заткнутся в ближайшие пять минут, то я за себя не ручаюсь».

Ленка, видя, что Настя молчит, набралась смелости и подошла ближе.

— Она на босса глаз положила, — громко сказала Вере. — Вон как смотрит на дверь. Думает, он её заметит. Ха! Три года Верка по нему сохнет и ничего. А эта с косою метлой да коровьими дойками губу раскатила!

— Может, она ему уже в штаны залезла? — вставила Вера с ледяной улыбкой. — Ой, простите, в стол. У нас тут корпоративный этикет, а у неё деревенские нравы.

Настя медленно подняла голову и посмотрела на них по очереди долгим взглядом, который бабка называла «волчьим прищуром». Она говорила: «Если посмотришь так, то враг сам испугается и убежит».

Ленка и Вера, к своему удивлению, сделали шаг назад. Что-то в глазах Насти было такое, от чего захотелось перекреститься. Но Настя не стала колдовать. Она просто улыбнулась самой обаятельной улыбкой, на которую была способна.

— Девочки, — сказала она ласково, — У вас слюна пузырится от злости. Вы бы водички попили. Говорят, она успокаивает нервную систему. И цвет лица улучшает.

Ленка и Вера переглянулись. Не ожидали. Они думали, что Настя заорёт или заплачет, а она улыбается. Жуткая деревенщина. Они замолчали и ушли на свои рабочие места, шипя себе что-то под нос.

Вечером, когда офис почти опустел, Настя зашла в кабинет Максима с кофе. Она добавила три капли приворотного зелья, ровно столько, сколько нужно для лёгкого, ненавязчивого эффекта. «Как лёгкий ветерок», — говорила бабка. — «Не сдует, но заставит задуматься».

Максим сидел за столом, разбирая документы. Усталый, как всегда. Тени под глазами стали глубже. Видимо, кошмары вернулись. Он поднял голову, когда Настя вошла.

Она поставила чашку на стол. Руки не дрожали. Она тренировалась перед зеркалом полчаса. Голос ровный:

— Ваш кофе, Максим Сергеевич.

Он посмотрел на неё, а потом на чашку. Глянул снова на неё. Запонка под его пальцами замерла.

— Спасибо, — сказал он и взял чашку в руки.

Настя задержала дыхание. Мир вокруг сузился до его губ, коснувшихся фарфора. Максим поставил чашку. Моргнул и потёр глаза. Снова моргнул.

— Настя, — сказал он странным голосом, будто из-под воды. — Вы кто?

Настя почувствовала, что зелье работает. Реакция была почти правильная, только слишком быстро. Максим встал и пошёл к ней. Не своей обычной твёрдой походкой, а шаткой,

будто пьяный.

— У вас коса как у русалки, — сказал он, глядя ей в глаза.
— Глаза болотные. Зелёные и глубокие. Вы ведьма?

Настя попятилась к двери.

— Я ваша секретарша, Максим Сергеевич. Просто секретарша.

— Нет! — он мотнул головой резким движением. — Вы больше...

Он вдруг схватил её за руку. Пальцы горячие словно печка на полную мощность. Настя дёрнулась, но он держал крепко.

— Я всегда хотел, — начал он, и голос его прервался странным звуком. Ква.

Настя замерла.

— Максим Сергеевич?

— Ква-а-а.

Его глаза округлились. Он отпустил её руку и схватился за горло.

— Ква-а-а-а.

Максим Сергеевич, владелец «Строй Инвест», миллионер по слухам, недосягаемый и неприступный, сел на пол прямо на ковёр и посмотрел на Настю преданными, влажными, круглыми глазами. Он снова квакнул.

— Я всегда хотел, ква, жить на болоте, ква-а-а, — произнёс он жалобно. — Там прохладно, ква-а-а, и мухи, ква-а-а.

Настя в ужасе отшатнулась к стене. В голове звенело:

«Он квакает. Босс квакает. Я превратила босса в лягушку.

Не полностью, но квакает. Это провал».

Из-за двери, которая была приоткрыта, выглянул Кузя.

— Я же говорил, — сказал он, вздыхая. — Перегрела! Или волос был не его. Или жабий жир просроченный. Теперь он три дня будет квакать. А может всю неделю.

— Что делать?! — прошептала Настя, чувствуя, как паника охватывает её.

— Отпавай рассолом, — пожал плечами Кузя. — Огуречным. Больше никаких экспериментов! Бабка же учила: «Семь раз отмерь, один раз отрежь». А ты...

Настя выбежала в приёмную и схватила банку с солёными огурцами, которые привезла из дома про запас. Резко открыла банку. Рассол пахнул настоящим деревенским укропом и чесноком. Она вернулась в кабинет. Максим сидел на полу, обхватив колени, и квакал уже почти мелодично.

— Пейте, — сказала она, поднося банку к его губам. — Это рассол. Он поможет.

Максим послушно выпил несколько глотков. Кваканье стало тише, но не прошло.

— Я ква-а-а... — попытался он сказать, махнул рукой и закрыл глаза.

Настя села рядом с ним на ковёр, прислонившись спиной к стене. В кабинете горел только настольный свет. За окном мерцала Москва, а на полу сидели ведьма и миллионер. Один из них смачно квакал.

— Простите, Максим Сергеевич, — прошептала Настя.

— Я не хотела. Честно!

Он открыл один глаз и посмотрел на неё. Квакнул, но уже не жалобно, а почти смиренно.

— Завтра... ква-а-а... поговорим, — выдавил он.

Ночь Настя провела в приёмной на стуле. Она не могла уйти. Вдруг ему станет хуже? Кваканье стихло к трём часам ночи. Из кабинета доносилось ровное дыхание спящего человека. Кузя устроился в чемодане. Клава дремала в кадке.

В четыре утра зазвонил стационарный телефон на столе Насти. Она взяла трубку, думая, что это охранник Петрович решил спросить, почему горит свет.

— Добрый вечер, Настенька, — раздался вкрадчивый мужской голос. — Как успехи с приворотами?

Настя замерла. Она не знала этот номер и голос, но что-то в нём было знакомое, от чего по телу побежали мурашки.

— Кто это? — спросила она шёпотом, чтобы не разбудить Кузю.

— Тот, кто знал твою бабушку, — ответил голос. — Не бойся, я не кусаюсь. Предлагаю сделку.

— Какую сделку?

— Ты поможешь мне, а я помогу тебе с боссом. Чисто, аккуратно и профессионально. Идёт?

Настя молчала. Из кабинета Максима донеслось слабое кваканье. Похоже, он проснулся.

— Я слышу, твой эксперимент провалился, — продолжил голос с лёгкой насмешкой. — Бедный мальчик квакает, а я

знаю рецепт настоящего приворота. Бабкин. Тот самый, который она никому не давала. С лунной слезой и корнем разрыв-травы.

Настя вцепилась в трубку так, что побелели костяшки. Бабкин рецепт с лунной слезой. Тот самый, который она никому не показывала. Он был на последней странице травника, зашитый в бересту. Откуда он знает?

— Откуда вы знаете бабкин рецепт? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Завтра в полдень, — ответил голос. — Кофейня «Жаба» на Тверской. Приходи одна без домового и принеси волос босса. Только свежий, а не тот, которым ты уже пользовалась.

В трубке щёлкнуло. Пошли гудки. Настя опустила трубку и посмотрела на неё. Потом перевела взгляд на дверь кабинета Максима. Потом посмотрела на Клаву. Жаба замерла в кадке, вытаращив золотистые глаза.

— Что случилось? — спросил Кузя, вылезая из чемодана. — Я слышал чужой голос.

Настя открыла рот, чтобы ответить, но в этот момент в дверях приёмной появился охранник Петрович. Он стоял в своём форменном кителе, с брелком пропуска на животе, и смотрел на Настю странным взглядом.

— Настенька, — сказал он тихо, почти неслышно. — Тот человек, который звонил. Не ходи к нему.

Настя встала.

— Петрович, откуда вы...

— Я знаю, о ком говорю, — перебил он. — Он убил твою бабу, а теперь хочет убить тебя.

Петрович повернулся и ушёл шаркающей, старческой походкой. В коридоре погас свет. Сработал таймер. Настя осталась одна в темноте с жабой, домовым и квакающим боссом за дверью. Из кабинета донеслось последнее, умирающее кваканье. И тишина.

«Кто-то охотится за бабкиным рецептом, — подумала Настя. — Он убил её и теперь пришёл за мной, а я сижу здесь с приворотом для мужика, который квакает. Какая же я дура. Бабка, прости меня. Я должна была слушать тебя, а не витать в облаках».

Она достала из кармана бабкин оберег, деревянного конька на красной нитке, и сжала его в кулаке.

— Я не пойду к нему, — прошептала она в темноту. — Заставлю его самого прийти ко мне. И тогда мы посмотрим, кто кого.

Клава коротко квакнула. Это был сигнал к бою. За окном снова мелькнула тень и исчезла. Тонкая. Длинная. С крючковатыми пальцами. У Насти пробежали мурашки по всему телу, но назад пути уже не было...

Глава 5. Домовой против

Утро в офисе «Строй Инвест» после ночного происшествия. Солнце пробивается сквозь жалюзи, отбрасывая полосатые тени на болото Клавы, которое за ночь почему-то разрослось на полметра. То ли вода оказалась заговорённая, то ли Клава решила расширить владения. На столе у Насти стоит пустая банка из-под солёных огурцов, валяются три смятые салфетки, а из-под стола выглядывает край её чемодана, из которого доносится подозрительный храп. Из кабинета Максима не доносится ни звука.

Настя сидит за столом, обхватив голову руками. Коса растрепалась. Платок съехал набок. Под глазами огромные тени. Она не спала всю ночь, прислушиваясь к каждому шороху из кабинета. Боялась, что Максим перестанет дышать или, наоборот, заквакает на весь этаж.

Кузя устроился на принтере, свесив ноги в лаптях. Единственный, кто выглядит довольным. Ночью он тайком выпил полбанки ряженки из холодильника и теперь блаженствовал.

— Ну что, — зевнул он, — как наш квакун? Живой?

Настя не подняла головы, а ответила шёпотом, будто боялась разбудить кого-то:

— Не знаю. Я в шесть утра заглядывала. Он спал на ковре свернувшись калачиком и не квакал.

— Может, рассол помог? Или само прошло?

— Или он притворяется, — Настя подняла голову. Глаза красные. В них читается такая смесь надежды и отчаяния, что Кузя на секунду почувствовал себя виноватым. — Чтобы я расслабилась, а потом он вызвал охрану и сдал меня в психушку или полицию за колдовство.

Кузя хмыкнул, прыгнул с принтера и прошёлся по столу, оставляя невидимые следы.

— Если бы он хотел тебя сдать, то сделал бы это ещё вчера, когда ты ему рассол в рот заливала.

В этот момент из кабинета донёсся шорох. Кто-то встал с ковра и прошлёпал босыми ногами. Настя замерла и осторожно открыла дверь в кабинет, приготовившись к худшему. Но Максим сидел в своём кресле, как ни в чём не бывало. Костюм немного помят. Рубашка растёгнута на две пуговицы. Сам он уже успел причесаться. На столе перед ним стоит пустая банка из-под рассола и флакон с остатками её зелья. Он держит флакон в руке и рассматривает на просвет.

— Заходите, — сказал он. — И дверь закройте.

Настя зашла и закрыла дверь. Она прислонилась спиной к двери, будто готовясь к побегу. Максим поставил флакон на стол.

— Во-первых, я больше не квакаю. Во-вторых, я всё помню.

Повисла пауза.

— Вы напоили меня любовным зельем и я превратился в лягушку. Пил рассол. Спал на ковре. И всё это время вы

сидели в приёмной и... что делали?

Настя опустила глаза и сказала тихим, еле слышным голосом:

— Плакала.

Максим поднял бровь. Только одну. Этого было достаточно, чтобы Настя почувствовала себя ещё более жалкой.

— Плакала? — переспросил он. — Оттого, что ваш приговор не удался?

— Нет. Оттого, что я вам навредила. Я не хотела, — она подняла глаза. В них стояли настоящие слёзы. — Я хотела... чтобы вы на меня посмотрели по-другому.

Максим долго на неё смотрел. Настя успела перебрать в голове все варианты развития событий от «вызываю охрану» до «давай поженимся прямо здесь, на ковре». Максим тяжело вздохнул.

— Настя, — сказал он. — Я и так на вас смотрел по-другому. Вы просто не замечали.

«Что? — подумала Настя. — Он знал? С самого начала? А я тогда приговор варила зачем? Три дня и три ночи. Жабий жир. Багульник. Всё зря? Дура деревенская. Бабка была права. Не торопись, Настя. Любовь, как уха! Чем дольше томится, тем вкуснее, а я сняла крышку».

— Но после того, что вы сделали... — продолжал Максим, вставая и подходя к окну. — Я не знаю, как к вам теперь относиться. С одной стороны, вы чуть не превратили меня в земноводное навсегда. С другой, я впервые за долгое время

чувствую себя живым. Понимаете? Не биороботом, который подписывает договоры и летает в командировки, а человеком, который пьёт рассол на ковре и квакает.

Он повернулся к ней. Лицо серьёзное. В глазах та самая золотая искорка, которую Настя заметила в первый день.

— Вы уволены, но не прямо сейчас. Сначала поможете мне разобраться с тем, кто охотится за вашей бабкиной магией.

Настя кивнула. Внутри смешались облегчение, стыд и странная радость. Страх, что её выгонят, сменился страхом, что её оставят. Час спустя Настя вернулась на своё место. Максим ушёл на совещание. Она сидела за столом, пытаясь сосредоточиться на работе. Нужно было распечатать договор для клиента.

Принтер, с которым Кузя с утра вёл свою тайную войну, начал вести себя странно. Сначала он выплюнул лист с иероглифами, похожими на китайские, но с примесью древнеславянского. Потом вышел лист с чёрными квадратами, внутри которых угадывались чьи-то лица. Следующим вышел лист с изображением Клавы в короне, сидящей на троне из огурцов. Настя уставилась на последний лист.

— Что за...

Из-за принтера донеслось довольное хихиканье Кузи. Он высунул свою лохматую морду и подмигнул.

— А я развлекаюсь, — сказал он без тени вины. — Скучно тут. Ленка с Верой ещё не пришли. Пауки шептуну сплетен

не приносят. Клава спит. Хоть принтер похулиганит.

Настя зашипела на него как кипящий чайник:

— Прекрати! Мне нужен договор! Клиент ждёт! Если я не отправлю до двенадцати, то сделка сорвётся. Максим Сергеевич меня тогда точно уволит!

Кузя обиженно надул губы.

— Мне нужна ряженка, а ты не принесла. Вчера обещала, а сегодня принтер, принтер. Где справедливость?

Принтер опять заработал и выдал новый лист. На этот раз с надписью жирным шрифтом:

«Купить ряженку. Срочно! Подпись. Домовой».

Настя закрыла глаза и сосчитала до десяти. Потом до двадцати. Открыла. Принтер по-прежнему не работал.

— Хорошо, — сдалась она. — Куплю ряженку, но сначала напечатай договор, пожалуйста.

— Так бы сразу, — сказал Кузя и нырнул в принтер.

Принтер вздрогнул и начал выдавать идеальные листы с текстом договора без единой ошибки. Настя выдохнула.

Ленка и Вера появились в офисе ближе к одиннадцати. Они вошли с таким видом, будто вернулись не с больничного, а из ссылки в Сибири. Голодные. Злые. Ленка надела новую леопардовую юбку видимо для того, чтобы подчеркнуть свой статус главной хищницы отдела. Вера, в своём вечно сером костюме, сделала отчаянную попытку выглядеть опаснее и намазала губы ярко-красной помадой, которая смотре-

лась на её бледном лице как кровавая рана.

— Ну что, — заорала Ленка с порога, не снижая голоса, чтобы все слышали. — Корпорожея на месте? Не уволили ещё? Забааавно!

Вера добавила тихо, но так, чтобы все услышали:

— Смотри, у неё болото разрослось. Прямо джунгли амазонские. Скоро здесь лягушки по столам прыгать будут и пауки по стенам ползать. Всё как в фильме ужасов.

Клава, услышав слово «лягушка», вылезла из своей кадки. Сегодня она была в настроении. Видимо, хорошо выспалась. Жаба неторопливо, с достоинством королевы, перебралась на стол Ленки и прыгнула прямо на клавиатуру. Села и уставилась на Ленку золотистыми глазами. Ленка завизжала так, что в соседнем кабинете кто-то уронил кофе.

— Убери эту гадость! Немедленно! Она заразная! Вся в бородавках!

Настя спокойно подошла и взяла Клаву на руки. Жаба прильнула к Настиной ладони словно котёнок.

— Это не гадость, — сказала Настя, глядя Ленке прямо в глаза. — Это Клава. Она хорошая и не заразная. В отличие от некоторых.

Вера, не удержавшись, добавила с ехидной усмешкой:

— Хорошая? Она вся в бородавках.

Настя улыбнулась своей улыбкой, которая начиналась в уголках губ и заканчивалась где-то за левым ухом, создавая у собеседника стойкое ощущение, что его сейчас превратят

в жабу.

— Бородавки — это к деньгам, Вера. У кого их нет, тот бедный и одинокий.

Вера побледнела так, что красная помада стала похожа на пятно крови на белой простыне. Ленка схватила её за локоть и оттащила в сторону.

— Она нас сглазила, — прошептала Ленка, косясь на Настю. — Точно сглазила. У меня после больничного кредитка не проходит. Я вчера в магазине платье хотела купить и отказало. Прикинь!

— А у меня, — прошептала Вера в ответ, не сводя глаз с Насти. — Голова раскалывается и таблетки не помогают.

Ленка посмотрела на неё с сочувствием, но быстро взяла себя в руки.

— Мы должны её уничтожить. Не физически, а морально. Я напишу анонимку, что она занимается оккультизмом на рабочем месте. Колдует и жаб разводит.

Вера оживилась:

— А она и занимается. Мы не соврём.

— Именно. Завалим её фактами.

Они удалились в комнату, строя свои коварные планы.

К полудню Настя наконец уговорила Кузю не хулиганить. Пообещала купить его любимую ряженку, новую подушку в чемодан и даже маленький кусочек сахара, который он так обожал. Принтер заработал нормально. Договор распечатали

и отправили клиенту.

Максим вернулся в приёмную после короткого совещания. Он выглядел значительно лучше. Рассол, видимо, не только кваканье убрал, но и мигрень снял.

— Настя, — сказал он тихо, чтобы никто не слышал. — Я тут подумал, что вчера тот человек по телефону... Вы не ходите на эту встречу. Я пойду!

Настя вскочила со стула.

— Что? Нет! Это опасно! Он убил мою бабу! Вы сами слышали! Он хочет рецепт и не перед чем не остановится.

— Именно поэтому, — спокойно ответил Максим. — Если бы он хотел вас убить, то сделал бы уже это. У него была возможность. Ему нужно что-то другое. Рецепт или вы сами. Это то я и хочу узнать.

— Но...

— Не обсуждается! — Он надел пиджак и поправил запонки. — Вы остаётесь здесь, а я пойду в кофейню «Жаба» в полдень на встречу.

Он вышел, не дожидаясь ответа. Настя смотрела ему вслед, чувствуя бурю эмоций внутри. Это то самое настоящее человеческое чувство, которое она так долго пыталась подменить магией.

«Он идёт туда вместо меня, — подумала Настя. — Рискует собой. Зачем? Из-за любви? Или из-за чувства вины, что я его в лягушку превратила? Может он просто хороший человек? В Москве такие бывают? Бабка говорила: "Если най-

дешь достойного человека, то держись обеими руками". Кажется, я такого нашла. Чуть не испортила всё своим зельем».

Кузя вылез из-за принтера и взобрался на её плечо.

— Твой босс дурак, — сказал он беззлобно. — Но храбрый. Это редкость.

— Я должна быть там, — сказала Настя, хватая куртку. — Спрячусь в кофейне. Он меня не увидит.

— А он сказал не ходить!

— А я сказала, что буду слушаться? Мы слушаемся только совесть и бабу. Бабка мёртвая, а совесть у меня сейчас кричит: «Иди, спасай своего ряженого».

Она сунула в карман куртки баночку с защитным зельем. Наговорённая вода, три капли полыни и щепотка осинового коры от нежити. Нацепила на шею оберег, деревянного конька на красной нитке, и выбежала из приёмной, на ходу завязывая платок. Кузя юркнул в её сумку.

— Только не говори потом, что я тебя не предупреждал, — пробурчал он оттуда.

Кофейня «Жаба» на Тверской оказалась маленьким, тёмным заведением с низкими потолками и запахом пережаренного кофе. Настя вошла за две минуты до полудня и забилась в дальний угол за высокой пальмой.

Максим уже сидел за столиком у окна. Он заказал эспрессо, но не пил, а просто сидел, положив руки на стол. Ровно в полдень дверь открылась и вошёл мужчина лет пятидесяти, в дорогом чёрном пальто из кашемира и с тростью из чёрного

дерева. Он не хромал. Трость была скорее аксессуаром, как у английского лорда. Гладкое лицо словно восковая маска. Чёрные без белков глаза словно две маслины, провалившиеся в сметану. Он сел напротив Максима, положил трость на соседний стул и улыбнулся.

— А где же Настенька? — спросил он вкрадчиво словно учитель, который знает ответ, но хочет проверить ученика.

— Я просил её прийти одну и без домового.

— Она не пришла, — ответил Максим, не отводя взгляда.

— Я вместо неё.

Мужчина тихо засмеялся.

— Ты не представляешь во что ввязался, мальчик. Даже не представляешь, о чём идёт речь. Ты думаешь, это деловые переговоры? Или любовный треугольник? Нет, это гораздо древнее и страшнее.

— Зато я знаю, что ты убил её бабуку, — сказал Максим, не повышая голоса.

Улыбка мужчины исчезла с лица. Глаза стали ещё чернее. Теперь они напоминали две дыры в никуда.

— Бабка сама умерла от старости. Я просто не мешал ей умереть. Стоял у порога её дома три дня и три ночи. Она звала на помощь, но никто не пришёл. Теперь я хочу получить то, что она недодала. Мне нужен рецепт с лунной слезой. Настя отдаст его мне. Добровольно или нет, неважно.

Он достал из кармана пальто маленькую стеклянную фигурку чёрного паука с красными глазами, которые горели в

полумраке кофейни словно два уголька. Паук живой. Лапки шевелятся.

— Передай Настеньке, — сказал мужчина, ставя фигурку на стол перед Максимом, — У неё есть три дня или этот паук поселится у неё под сердцем и будет пить её жизнь.

Он встал, взял трость и вышел, не оглядываясь. Дверь за ним бесшумно закрылась. Максим смотрел на паука. Фигурка зашевелилась. Он протянул руку, чтобы взять, но не решился прикоснуться. От стекла шёл нечеловеческий холод.

Настя, стоявшая за пальмой, всё видела. Она слышала разговор и узнала паука. Её трясло нервной дрожью, которую она не могла остановить даже заговором. Кузя в сумке зашевелился, выглянул на секунду и тут же спрятался обратно.

— Я знаю этого человека, — прошептал он дрожащим голосом впервые за всё время, что Настя его помнила. — Это не человек, Настя, а нежить. Он был знаком с твоей бабкой много лет назад и хотел на ней жениться. Она отказала и он поклялся отомстить всему роду. Теперь и тебе.

— Что ему нужно? — спросила Настя, глядя, как Максим осторожно берёт паука со стола и заворачивает в салфетку.

— Рецепт на последней странице с лунной слезой и корнем травы. С его помощью можно не только приворожить, но и управлять волей любого человека. Он хочет стать хозяином мира.

Максим вышел из кофейни, держа свёрток в руке. Настя выбежала из своего укрытия и столкнулась с ним на пороге.

— Максим Сергеевич!

Он обернулся и вздохнул.

— Я знал, что вы придёте.

Она взяла свёрток из его рук и развернула салфетку. Паук зашевелился, пытаясь укусить, но Настя шепнула заговорное слово, которое бабка называла «замок на живую тварь». Паук замер и превратился в обычную стекляшку.

— Теперь он не опасен, — сказала она, выдыхая. — Но у нас мало времени.

Максим смотрел на неё и в его взгляде не было страха.

— Что будем делать?

Настя подняла на него глаза.

— Варить зелье, — сказала она. — Для защиты и нападения. Мы не будем ждать, пока он придёт к нам, а пойдём к нему сами!

«Свадьба подождёт, — подумала Настя. — Сначала нужно спасти жизнь, а потом посмотрим. Бабка говорила: "Сначала выживи, а уже потом люби". Теперь я поняла, что она имела в виду. И ещё: "Никогда не вари приворот на голодный желудок". Но это уже неважно».

Они вернулись в офис и застали там настоящий переполох.

У приёмной стояли Ленка и Вера, а между ними менеджер по персоналу Оксана, женщина с лицом, которое не выражало ничего, кроме выполнения должностной инструкции. В руках у Оксана держала распечатанные фотографии с ка-

мер наблюдения, сделанные ночью. На них Настя колдовала над котелком в приёмной. Пламя. Тени. Застывшая фигура с поднятыми руками. Всё выглядело именно так, как и должно выглядеть колдовство, если его снимать на дешёвую камеру.

— Настя, — сказала Оксана голосом, не терпящим возражений. — У нас к вам вопросы. Оккультизм на рабочем месте запрещён согласно трудовому договору. Пункт семь, подпункт «б». Нарушение корпоративной этики и создание угрозы для психического здоровья сотрудников.

Ленка стояла за спиной Оксаны, вся сияя от радости. Вера стояла в стороне и ехидно улыбалась.

— Всё, Корпорожея, — пропела Ленка. — Попалась. Теперь тебя уволят и никто тебя не спасёт. Даже твои лягушки.

Настя замерла. Максим стоял рядом и молчал. Она не знала, на чьей он стороне. Скажет ли он правду? Заступится ли? Или воспользуется моментом, чтобы избавиться от проблемной сотрудницы?

В этот момент из кабинета Максима донёсся грохот. Дверь распахнулась сама собой и оттуда вылетел принтер. Он парил в воздухе, разбрасывая бумаги во все стороны. Листы кружились по приёмной.

Вдруг раздался раскатистый голос на весь этаж. Его слышали все. Ленка, Вера, Оксана и даже Костя с Сергеем, выскочившие из своих кабинетов.

— А вот хрен вам! — заорал Кузя, невидимый, но от этого не менее реальный. — Не троньте Настю! А то я вам такую

порчу нашлю, будете зелёным ссаться! И не неделю, а целый год! Я тут хозяин! Вы поняли?

Ленка заверещала так, что отпала одна из накладных ресниц. Вера начала креститься, шепча «Отче наш». От страха она перепутала все молитвы. Оксана выронила папку и фотографии разлетелись по полу.

Принтер, под управлением разгневанного домового, подъехал к Ленке и с торжественным треском выплюнул один-единственный лист, на котором было напечатано крупными буквами:

«Ленка дура».

Ленка взвизгнула, развернулась и побежала к лифту. Вера за ней. Оксана, собрав папку дрожащими руками, попятилась к выходу, бормоча себе под нос: «Дурдом какой-то».

В приёмной остались только Настя, Максим и невидимый Кузя, который сидел на принтере верхом и довольно ухмылялся. Максим посмотрел на Настю, потом на принтер и снова на Настю.

— Это ваш домовый? — спросил он совершенно спокойным голосом.

Настя кивнула.

— Он всегда такой?

— Когда его бесят, — ответила Настя.

Максим подошёл к принтеру, взял лист с надписью «Ленка дура», сложил его пополам и положил в карман пиджака.

— Сохраню на память, — сказал он. — Идёмте. Нам нуж-

но варить ваше зелье и готовиться к войне.

Настя посмотрела на него. В его глазах не было страха или насмешки. Он принял её такой какая она есть с жабой, домовым и неудачным приворотом.

«Может быть, — подумала Настя, — Это и есть настоящая любовь. Когда человек видит тебя в самом нелепом виде и всё равно остаётся рядом».

Она улыбнулась. Клава из кадки довольно квакнула. Кузя слез с принтера и почесал пузо. Война только начиналась, но в этой маленькой приёмной, пропахшей болотом и огуречным рассолом, вдруг стало по-домашнему уютно.

Глава 6. Жабий детектор лжи

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.